

власти и себе, блокируя тем самым ее не инверсионное, а медиативное развитие.

Культивирование комплекса неполноценности и пренебрежение достоинством людей со стороны государства оборачивается низкой ценностью жизни граждан и перспективами катастрофической убыли населения, массой экономических и политических проблем. Усиление дефицита квалифицированных трудовых ресурсов в России может заставить привести традиционное основание российского государства в соответствие с основанием, зафиксированным в Конституции РФ. Но перспективы этого процесса просматриваются слабо. Отсутствие признаваемого государством достоинства личности является признаком не правового и не демократического характера отношений между личностью и государством. Отсутствие в политической культуре населения и элиты ценности достоинства гражданина и личности свидетельствует о неразвитости в России гражданской политической культуры.

3.5. Русская сказка как модель анализа политики

Для осмысления нынешней политической ситуации в России, безусловно, первостепенными являются научные исследования. Но они все же оставляют частичную неудовлетворенность по поводу смысла и исхода происходящего. Образ, символ, метафора могут глубже и ярче выразить нечто существенное. Возможно, поэтому социальные науки не могут без них обойтись. Тем более, если идет речь о задаче понимания ситуации, находящейся в процессе развития, ситуации в состоянии неопределенности. Однако там, где недостаточно описания событий и пока невозможно исчерпывающее объяснение, вступают в силу интуиция и воображение. Источником индивидуальной интуиции, как ни парадоксально, служит коллективный опыт прошлых поколений. Казалось бы, что русская народная сказка может дать для анализа текущей политической ситуации? Возражений для применения такого подхода может быть достаточно: нельзя смешивать научное познание мира и художественно-эстетическое; современность невозможно полностью объяснить с помощью архетипов культуры; исторический контекст возникновения русской сказки принципиально отличается от контекста современной российской культуры и политики; необходимо учитывать факторы Современности – глобализацию, информационную революцию и многое другое. И все же ...

Наша гипотеза состоит в том, что модель сказки и образ ее героя Ивана-дурака способны помочь ответить на главный вопрос: как сегодняшнюю политическую ситуацию воспринимает значительная часть населения (народ), каковы установки его культуры и поведения? По сути, речь идет о том, чтобы с помощью сказки схватить тенденции изменения массового сознания и поведения. Из ответа на данный вопрос можно было бы осторожно сделать вероятностный прогноз о политическом поведении большинства населения в будущем. И к этому суждению обязательно найдется возражение, на которое ответим мы так: результаты выверенных социологических исследований с применением чрезвычайно тонкого инструментария носят тоже весьма и весьма вероятностный характер и обладают рядом погрешностей. Поэтому рискнем.

Иван-дурак – это инвариантный социокультурный тип среднего россиянина. Он не существует реально, но во множестве современных россиян этот тип в той или иной степени устойчиво проявляется. Модель сказки в целом интересна по ряду причин. Во-первых, в сказке запечатлен опыт жизни многих поколений людей, обыграны варианты развития основных жизненных сюжетов, типы взаимоотношений и репертуар поступков всех возможных действующих лиц (героев). Во-вторых, логическая структура сказки годится для анализа любой социальной ситуации и проигрывания разных сценариев ее развития. В-третьих, многие русские сказки имеют счастливый конец, который пришелся бы кстати и в реальной жизни, – благоприятное для большинства населения разрешение политической ситуации.

Сказка генетически восходит к мифам. «То, что сейчас дошло до нас как сказки, в эпоху индоевропейского единства было мифом» [Пропп 2008: 115]. В русской сказке есть нечто «сверхнародное и сверхвременное» (Е. Н. Трубецкой), сконцентрирован значительный опыт прошлого, сокровенные мечты, фантазии, социальные утопии народа и будничные социальные стереотипы. Сказка представляет нам шаблонные реакции и действия типичных героев в разных ситуациях. Это те инвариантные элементы, которые можно выявить и в современных ситуациях, если абстрагироваться от их несущественных изменчивых внешних форм. Сказка – один из способов трансляции традиции, носителем которой был «живой народ» как конкретная историческая реальность. Создав образ такого героя, как Иван-дурак, народ вложил в него собственные черты. Но черты Ивана-дурака – не исключительно русское явление, подобные герои присутствуют в сказках множества народов. Модель сказки и ее элементы – мотивы, сюжеты, типы действий героев, мы будем рассматривать как ключи к пониманию основного смысла сегодняшней политической ситуа-

ции, используя их с учетом исторических изменений в характере героев и их действий, с учетом современного социокультурного контекста. Суть последнего можно определить как затянувшийся распад советского общественно-политического строя.

Черты ситуации распада общинной собственности, зафиксированные в сказке, в какой-то мере могут быть использованы для объяснения некоторых моментов нынешней ситуации – распада и дряхлеющего уже более двадцати пяти лет передела общегосударственной («социалистической») собственности. Герои сказки могут пригодиться для понимания персонажей современной политики. Сказочные роли хорошо распределяются: «Отец» – руководство «социалистического», а затем «капиталистического» государства, «старшие сыновья» – прежняя и нынешняя номенклатура, трансформировавшая функции распоряжения общенародной собственностью в функции владения ею, «младший сын» – народ. Сам народ (Иван-дурак) существенно меняется, часть его не прочь владеть частной собственностью, но другая часть пребывает в иллюзиях уходящего коллективизма. Роль оппозиции подобна роли «помощников» Ивана или «волшебных сил». Мы все время будем иметь в виду два плана анализа – реальный и сказочный. Сказочный план дает подсказки для реального через элементы мифов, заключающих в себе коллективное бессознательное – типичные схемы восприятия ситуаций, стереотипные, а значит наиболее вероятные ходы, решения, действия.

Е. Мелетинский указывает на комплекс правовых, социально-психологических и бытовых факторов, приведших к идеализации младшего сына. Эта типичная для сказки тенденция возникла в результате упадка минората и развития майората. «Принцип старшинства и увеличение роли старшего сына в большой патриархальной семье создают предпосылки для обездоливания младшего, особенно в случае распада семьи, когда старший сын легко становится узурпатором общинной семейной собственности (правовой майорат) [Мелетинский 2005: 95]. В условиях длительного разложения патриархальной общины минорат служил препятствием разделу семейной собственности. Русский минорат действовал при разделе наследства, ведущим к выделению частной собственности. В образе Ивана-дурака запечатлены ценности и представления, характерные для патриархального мировоззрения: равное распределение наследства или сохранение общей семейной собственности. Содержание многих сказок составляет борьба между старшим и младшим братьями за отцовское наследство, борьба индивидуального и общинного начал. Используя положение распорядителя в коллективном патриархальном хозяйстве, старшие сыновья завладевают большей частью семейной собственности и по-

степенно превращают ее в частную. И они, и частная собственность осуждаются в сказках, мораль и хороший конец сказки оказываются на стороне младшего, обездоленного сына, опекуна престарелых родителей, хранителя очага, обычаев, традиций и патриархальной морали. Иван-дурак по сути – прекраснодушный консерватор, сторонник общинной семейной собственности. «Малая семья в сказке – типическое обобщение большой патриархальной семьи, а разлад братьев символизирует окончательный разрыв родовых связей» [Мелетинский 2005: 126]. Семья, вокруг которой строится сюжет сказки, является моделью народа, или большинства общества. Герой сказки порожден конкретной социальной действительностью, но комплекс его характеристик стал основой для последующего развития персонажей искусства, социокультурных ролей и народной ментальности в целом.

В истории России периодически актуализируется – в виде дискурса о борьбе то с буржуями или олигархами, то с коррупционерами в нынешнее время, – мотив осуждения старших сыновей. Этот мотив напоминает о завладении «старшими» разными объектами общей собственности. В начале «перестройки» в качестве «старших братьев» стала осуждаться советская партийная номенклатура как распорядитель общей социалистической собственности, в конце 1990-х годов – олигархи, в 2000-е – коррупционеры. Поэтому вполне корректна, на наш взгляд, аналогия Ивана-дурака и «совка», хранителя общих «социалистических» ценностей. Современный Иван-дурак – человек, обездоленный реформами (приватизацией и т.п.) и поэтому ностальгирующий по советским порядкам.

Еще один инвариантный элемент сказки, имеющий отношение к нашему времени, – искание героем «иногo царства». Е. Н. Трубецкой выделяет следующие мотивы поиска «иногo царства» в сказке: уход от бедности к богатству и «подъем к чудесному над действительным» [Трубецкой 1990: 103]. Представления об ином царстве фиксируют желание героя уйти от бедности и обездоленности и найти страну с «молочными реками и кисельными берегами». «Иное царство» воплощает «идеал сытого довольства»: счастье – это «наесться, напиться и развеселиться». Сказка выступает в роли социальной утопии о достижении богатства без усилий, это мечта человеческой лени о «легком хлебе», «воровская утопия». Счастье в сказке достается лентяю и/или вору. Отсутствие действия и мужественности связано с «усыплением народного духа», русским фатализмом. Не правда ли, в современных представлениях значительной части россиян о счастье очень много от этого инварианта? Хотя бы «халява» для «совка»... Но есть и второе измерение «иногo царства» – это «влечение к пределу», находящемуся «между небом и землей», неизвестному, прекрасно-

му, волшебному. Подъем в «иное царство» осуществляется через озарение, самопожертвование, одухотворение, «на крыльях». Сопоставление двух измерений приводит к выводу, что в сказке одухотворяется и романтизируется «воровство», достижение блага любыми средствами.

Надежда на внезапное вмешательство чудесных сил и ее обратная сторона – «пассивность» или «бессилие героя» – одна из существенных черт образа Ивана-дурака. Е. Н. Трубецкой сравнивает образы богатыря в былинах и Ивана-дурака в волшебной сказке. Богатырь совершает личный подвиг по доброй воле. Но он достигает успеха, когда решает исполнимую задачу. Образ Ивана-дурака воплощает беспомощность человека перед магическим, превосходящим человеческие силы, которое помогает ему выполнить «неисполнимую задачу». Очень просто: когда у Змея Горыныча до пяти голов, достаточно богатыря, но когда голов двенадцать, нужен Иван-дурак с его верой в сверхъестественное. От дурака требуется только «безграничное доверие, покорность и преданность той возвышенной силе, которая его ведет» [Трубецкой 1990: 116]. Отсюда «священное безумие», «вещий инстинкт», неведение, безрассудство, лень, неделание, глупость или высшая мудрость нашего героя. Сказка превозносит Ивана-дурака над богатырем, оправдывая слабость воли героя и отсутствие личной ответственности. Часто Ивана ведет «мудрая жена» («вещая невеста»), стремление к которой вдохновляет его на подъем в «иное царство». Она и воплощает «сказочную мудрость». Забвение жены, неблагодарность или неверность героя расценивается как настоящая беда. Е. Н. Трубецкой пишет, что в русской сказке воплощена женственность, «мистика пассивных переживаний человеческой души» [Трубецкой 1990: 117].

Иван обладает разными, порой не согласованными между собой чертами и свойствами. В одних сказках он доверчив, наивен, глуп, в других – человек с хитрецой и выдумкой; в нем переплетаются и пассивное, и активное – героическое начало, черты праведности и грешности, терпеливости и вспыльчивости. Среднего и умеренного маловато. В анекдотических сказках Иванушка часто изображается глупцом, совершающим нелепые, дурацкие поступки, случайно приводящие его к успеху. Прозвище «дурачок» выражает несправедливое недоверие старших и социально «высших» к способностям Иванушки. В сказочной философии есть несоответствие между внешним видом и внутренним содержанием героев. «Самое невзрачное, скромное, последнее, всеми презираемое существо – оно-то и обладает внутренней красотой. Это – общесказочный сюжет. Таков Иван-дурак, Иван Запечник, такова Золушка, такова гонимая всеми падчерица»; «... дурак и совершит потом сказочные подвиги. Он окажется бескорыстным героем, он освободит царевну, он достигнет величайшего счастья»

[Пропп 2008: 191, 245]. Момент преобразования дурака или падчерицы после всех испытаний важен как воплощение коллективной мечты о вознаграждении за внутреннюю красоту и установление соответствия между внутренними и внешними качествами.

В целом Иван-дурак – это положительный народный герой, как и Иван-царевич в эпических сказках. В волшебной сказке идеализация героя сочетается с иронией: он глуп с точки зрения его практических братьев, но по большому счету оказывается мудрым. Иванушка – тип демократического героя, «не подающего надежд», его образ выражает веру народа в силы простого человека и мечту о социальной справедливости и равенстве, но отражает и самоиронию народа. Непосредственность, близость к природе, стихийность и естественность, жалостливость, честность, христианские добродетели, крестьянская неподвижность, кажущаяся незаинтересованность в жизненных делах, покорность судьбе, терпение сочетаются в нем со сметливостью, интуицией, хитростью. В испытаниях герой, младший сын, проявляет отзывчивость, великодушие, душевную силу, благородство, любовь к отцу, сострадание к угнетенным, слабым, животным, и это вознаграждается. Старшие братья морально несостоятельны, они думают только о себе или награде. Младший сын – избавитель, когда спасает других, он не чувствует страха или сомнений. Герой заслуживает царевну, поскольку освобождает девушку от чудовища. Неслучайна и оснащённость героя волшебными средствами. Особое качество Ивана – хитрость (обман, одурачивание) как орудие слабого против сильного, становится способом взаимодействия с царем, государством, любыми антагонистами и героизируется в сказке.

Иван-дурак, как правило, действует не по собственной инициативе, он действует по чужой воле или будучи вынужденным обстоятельствами, куда-то и зачем-то его посылает отец (царь). Его воля всегда «нагружена» «социальным заказом» – тем, что нужно его семье или царю (власти). В этом залог его бескорыстия, доброты и отзывчивости. Он защитник, хоть и поневоле, и только когда «гром грянет» – в случае самой крайней необходимости. Но тут уж он развернется. Иван-дурак не рационален, а «задним умом крепок», и не либерал, а консерватор и антимодернизатор; склонность к новому в нем отсутствует, разве что радуют его подарки и обновки. Он вне и до политики, он дополитическое существо. Но удивительным образом Иван-дурак оказывается востребованным и в настоящее время, поскольку и в современной политике есть нечто более высокое и глубокое, чем борьба за власть или разногласия правых и левых. Это сама жизнь – жены, семьи, рода, общества. Эти ценности и глубинные смыслы воплощает и защищает Иван-дурак, это и есть его стержень.

Символы русской культуры показывают несколько иную по внешнему выражению, но сходную по главным смыслам общую картину истории России и ее отдельных эпох. Под царевной (невестой), которую в сказках похищают Змей или Кощей, мы будем подразумевать Россию. Для этого есть основания. Г. Гачев символически представляет Россию как «мать-сыру землю», беспредельную и аморфную: «Россия – огромная белоснежная баба, расплзающаяся вширь» [Гачев 2008: 206]. Мужское начало должно о-пределить ее аморфность границами. «Природина, Россия-Мать рождает себе сына – русский Народ, что ей и мужем становится»; «Его душа – нараспашку»; «он легок на съем в путь-дорогу дальнюю»; «Русский народ – СВЕТЕР: гуляет «где ветер да я», летучий, странник и солдат, плохо укорененный; «неважно он, такой беглый, пашет свою землю, как мужик бабу, – по вертикали, так что его даже пришиливать приходилось крепостным правом... Потому второго Мужа России понадобилось завести (уже не как Матери-Родине, а именно как Женщине-жене)» – Чужеземца огненного»; «Народ свой, родимый, любимый, да больно малый да шалый. Недодает жара»; «Вынуждена Россия варяга приглашать на порядок-форму и закон...». Далее Г. Гачев делает выводы: «...в Русском Космосе три главные агента истории: Россия = Мать-сыра земля, а на ней работают два мужика: Народ и Государство-кесарь. И оба начала ей необходимы. Народ – это тот малый, что протягивается по горизонтали... Но – бегл, не сидит на месте. Потому и понадобилось жесткое начало власти, формы, порядка... Народ=воля, а Государь (ство) = закон. Меж ними распялена Психея, душа русской женщины»; «...У народа и Государства разные темпоритмы во Времени. Народ тяготеет к натуральному развитию медленным шагом времени...»; «Так и сложилось веками, что русский человек свыкся трудиться не столько движимый своей охотой к зажиточности (он привык довольствоваться малым, как и свойственно мудрому: Сократу, Декарту и Ивану-дураку), но исполняя наряд организующей воли Державы»; «Логос русского народа – песня, поэзия, мат, блатной язык – и безмолвие»; «Модель-схема Русского космоса – “путь-дорога”» [Гачев 2008: 208–212]. На наш взгляд, в философии Г. Гачева обобщены черты ментальности россиян, которые наиболее пронзительно выражены в образе Ивана-дурака, а также представлены основные смысловые линии взаимоотношений между Россией (населением, в котором сильно женское начало), государством (царем) и мужским населением (Иваном-дураком).

Характер главного героя сказки и ее канон выражает первобытное мировоззрение народа, «бессознательную жизненную философию», «идеалы далекого прошлого» [Пропп 2008: 218]. Все это до сих пор составляет наше коллективное бессознательное. Опыт, мировоззрение,

идеалы прошлых поколений, выраженные в любимых героях сказки, в ее композиции и логике развития сюжета, создают культурную матрицу, которая становится основой социализации новых поколений и определяет усвоение ролей сына, мужчины, отца, мужа. Эта матрица сохраняется в общественном сознании на протяжении многих веков, ее инвариантные элементы актуализируются в социальном и политическом поведении людей.

Иван-дурак живет чужой силой, которая вмешивается в его жизнь и помогает ему. Поэтому в его характере проявляется взаимосвязь зависимости от случая (или волшебных сил) и внутреннее бессилие. Фантастические силы – носители коллективной (общинной) справедливости, родовых идеалов, в них запечатлелись и патриархальные иллюзии. «Чудесные силы в сказке являются фантастическим воплощением сил коллектива» [Мелетинский 2005: 215] и выражают веру в победу справедливости, а счастливый конец – выражение гуманистического оптимизма. В этом заключается надежда и для нас – самоорганизация и солидарность хитроумных «Иванов-дураков», устремленных к «общему благу», может стать средством решения проблем.

Логическую структуру сказки вычленил В. Я. Пропп, представив ее как последовательность функций действующих лиц [Пропп 2009: 25–56]. Развитие сюжета сказки мы попробуем сопоставить с развитием политического процесса в целом, а ее отдельного элемента – с сегодняшней ситуацией как конкретного этапа всего процесса, сочетание ходов в сказке будет моделью возможной последовательности действий политических субъектов. Разные варианты сказки можно представить как разные сценарии развития политической ситуации. Тридцать три приведенных В. Я. Проппом функции мы обобщим до самых основных и сразу представим их аналоги в современной политике. *Отлучке*¹⁷, при которой разлучаются старшие и младшие, сильные и беззащитные, в реальности может соответствовать отъезд главы государства, официальный визит. *Запрету*, в сказке означающему «не ходи в лес» или «не заглядывай в чулан», в политике находится эквивалент «не высывайся» («никакой самостоятельности» или «инициатива наказуема»). «Запретом» является действие власти (закон, указ), ограничивающее свободу и самостоятельность народа. Закон может носить название «О политических правах граждан...», но содержать серьезные препятствия для реализации этих прав и политической субъектности населения. Фактически это предписание быть лишь исполнителем вышестоящей воли. *Нарушение запрета* главным героем влечет

---

¹⁷ Жирным курсивом мы будем выделять основные функции героев сказки.

за собой *действия вредителя*. Аналогии в современной политике необходимо искать с осторожностью и конкретно, не путем поиска виновника (врага), а с учетом комплекса факторов, совокупный эффект действия которых может привести к непредсказуемым последствиям. Однако необходимо и установление личной ответственности лиц, решения или действия которых имеют отношение к обострению проблем общества. «*Вредительством* открывается завязка» [Пропп 2009: 29]. Вредитель (антагонист) обманывает жертву и наносит ущерб семье путем похищения (невесты) или хищения, отнятия, околдовывания или подмены. Глава государства вместо какого-нибудь Кощея похищает «невесту» (Россию) или обманывает ее ожидания: демократию замещает квазидемократией, имитирует свободу, равенство, справедливость, честность, доступ к власти, самостоятельность, волю, собственность, присваивая таким образом абсолютно все ресурсы общества.

В завязке сказки можно выделить противоречие, образованное парой функций героев сказки и выражающее их логическую и причинно-следственную связь. Оно задает динамику сюжета и является культурным инвариантом, способным актуализироваться и сегодня. *Недостача* (дефицит) чего-либо как следствие хищения или иного способа нанесения ущерба – это беда, несчастье. Реальным аналогом беды выступает экономический или политический кризис и его последствия, аналогом хищения или подмены – ложное удовлетворение общественной потребности, например, несправедливая приватизация любых ресурсов страны и порождаемые ею бедность, социальное неравенство и т.д. Нынешняя политическая ситуация определяется нерешенностью социальных проблем в рамках существующей политической системы, наличием не удовлетворяемых общественных потребностей.

С функции *Осознание недостатчи* начинается поиск волшебного средства для ликвидации беды. В современности отсутствие или ограничение политических прав как средств преодоления кризиса герою тоже необходимо осознать. Все вписывается в алгоритм сказки. Следующая функция и этап развития ситуации – *герой начинает действовать*, герой (участник политических событий) начинает предпринимать какие-либо действия либо в качестве искателя, либо в качестве «пострадавшего героя», жертвы. Затем герой отправляется на поиск осознанной недостатчи и *встречает Дарителя*, который испытывает героя и в зависимости от его качеств и действий награждает или наказывает. Если герой проходит испытание успешно, ему предоставляется волшебное средство. Следующая функция – «*герой и антагонист вступают в борьбу*» – может осуществляться в разных формах. Политические реформы, протесты или револю-

цию можно представить как разные формы и методы борьбы героя и антагониста. Фазами борьбы могут быть протест героя против мер антагониста, скрыто похищающего права, и репрессии со стороны антагониста как реакция на действия героя. В реальной политической ситуации существует проблема: кого считать подлинным героем – власть, оппозицию или народ? Народ, он же Иван-дурак, может быть частью и власти, и оппозиции. В этом и заключается политическая интрига.

Сказка заканчивается осуществлением функции **Победа героя и ликвидация беды** (нехватки). Разрешение кризисной ситуации тоже предполагает ликвидацию какой-либо «беды» – коррупции, несправедливости, несвободы, или дефицита – демократии, честных выборов, эффективного государственного управления. Такому варианту ликвидации беды, как изгнание жертвы в современности соответствует исключение тех или иных социальных групп или общественно-политических объединений из политического процесса, ограничение или лишение этих групп политических прав, например при фальсификации результатов на выборах.

Но иногда сказка продолжается и начинается новый цикл действий. У героя похищается только что обретенная невеста или волшебные средства (**Хищение**), вновь возникает функция **Недостача**. В сказке старшие братья могут присвоить добычу, убив (околдовав) героя. В современности аналоги этому – присвоение прибыли или передел собственности. В сказке герой ликвидирует одну беду (недостачу) в «частной» жизни его семьи. В реальной политической ситуации «беды» (кризиса) проблемы носят публичный и общезначимый характер. Следующая функция в длинной, многоходовой сказке – **Ложный герой предъявляет необоснованные притязания** – на царевну и/или царство. В нынешней жизни такое встречается довольно часто, это почти социальная норма. Настоящий герой, спасенный с помощью волшебных существ или средств, **возвращается неузнанным домой**. Но прежде он должен снова пройти испытания – в виде **решения трудной задачи**. Для современного героя трудной задачей является решение общественных проблем, например, путем свободного выражения мнения о реальных фактах, отличающегося от публично высказанной официальной точки зрения, или путем участия в честных выборах. Подобно тому, как в морском царстве герою необходимо отличить и выбрать царскую дочь из нескольких похожих девушек, так и на выборах в нынешней России избирателю приходится выбирать из кандидатов с идентичными программами, а то и голосовать за лиц, уже «назначенных» в депутаты. Но как решить общественные проблемы в таких обстоятельствах? Эту **трудную задачу** наш Иван-дурак пока не решил, но остановился перед ней. Дальше в сказке следуют такие функции, которым в реаль-

ности аналогов пока не находится: *Подлинного героя узнают; Ложный герой изобличается; Герой преображается; Враг наказывается; Герой вступает в брак и воцаряется.*

В реальности герой может потерпеть неудачу в ключевые моменты политического процесса, не выполнив этих функций. Тем не менее, можно поразмышлять, что же настоящий герой должен сделать, чтобы реальная политическая ситуация разрешилась благополучно? Исходя из логической структуры сказки, можно строить сценарии позитивного, негативного и неопределенного, стагнирующего развития ситуации. Вопрос о характере наиболее вероятного поведения большинства населения в ситуации экономического и политического кризиса разбивается на ряд вопросов теоретического и практического характера. Каковы основные политические акторы в сегодняшней политической ситуации? Анализируя думские и президентские выборы 2011–2012 годов, Л. Гудков писал, что у нас существует два народа: первый – это люди, воспринимающие выборы как формальный ритуал; второй народ – те, кто стремится к честным, действительно альтернативным выборам, люди «с Болотной площади» [Президентские выборы...]. Типу Ивана-дурака – глупца находится место среди первого народа. В другом исследовании российское население делится примерно на три основных слоя – твердые путинцы (около 20 %), твердая оппозиция, или креативный класс (20-25 %), колеблющиеся (55-60 %) [Россияне... 2012]. Общество остановилось перед необходимостью выбора, но не делает его, оно «зависло» между протестной активностью, которая в случае обострения экономического кризиса может привести к революционной ситуации, и инерционностью большинства населения. Консервативная позиция правящего класса вполне ясна, он стремится сохранить политический режим, экономический статус и монополию на ресурсы общества. Мобилизация части населения на выборах, осуществленная манипулятивными способами, позволяет политической элите провести выборы уже несколько циклов подряд и осуществить формальную легитимацию собственной власти. Оппозиция подвергает критике легитимность выборов и власти, выдвигает требования к правящей элите, но одной ей в нынешнем ее состоянии не справиться с режимом. Значит, перспективы и власти, и оппозиции зависят от политического поведения колеблющегося и ускользающего большинства населения, подобного герою русских сказок. Оно может склониться на ту или иную сторону, а может повести себя непредсказуемо и стихийно, вызвав последствия в масштабах всей политической системы. Таким образом, есть три основных участника политической ситуации: два активных – правящая элита, включаю-

шая системную оппозицию, внесистемная оппозиция, и один пассивный – большинство населения.

Политическое поведение россиян во многом определяется установками массовой психологии, сформировавшимися в ходе российской истории и культуры. У нескольких поколений большей части россиян отцы гибли на войнах или лично не воспитывали детей. Зато политические системы поставляли им неистинных отцов – царей-батюшек, генсеков, президентов. Подставные отцы, отцы-имитаторы, как правило, запутывают сознание мальчишек-сирот, бросают им в душу негативный эдипов комплекс, задают не самостоятельные роли, порождают либо солдат, либо «людей вольных» (воров), либо инфантилов, периодически впадающих то в апатию, то в агрессию. Это объясняет некоторые черты значительной части современных мужчин, которые не идентифицируют себя с родителем своего пола и не усваивают роль самостоятельного человека, обладающего свободой воли и ответственностью за свои поступки. Возможно, это плата потомков за несколько поколений господства политических систем, основанных на социальном сиротстве и образе общего (подставного) отца. Исключением не является и нынешняя политическая система, в которой президент имитирует идеального отца и мужа для миллионов неполных семей. Последствия такого социального обмана и действия системы циничной имитации уже сказываются в асоциальном и аполитичном поведении множества наших современников. Система утверждает социально-политический порядок, основанный на монополии власти-собственности-финансов, насилии и имитации многих явлений – единства нации, демократических институтов, культурных ролей, религии, морали и нравственности.

В русской сказке выполнять трудное задание Ивана посылает отец и/или царь. Куда посылает свой народ наш сегодняшний квазиотец? Во имя каких целей мобилизуется та или иная часть населения? Звучит дискурс «геополитических интересов России»... Но по сути, народ мобилизуется на охрану власти-собственности бюрократическо-олигархической элиты или на приумножение этой собственности путем экспансии – на «маленькие победоносные войны», призванные также отвлечь от проблем внутренней политики. Есть основания полагать, что это целенаправленная политика ослабления мужского начала в населении, начала, нацеленного на конструктивное созидание и преодоление социальных проблем внутри страны. Сыновья, побывав солдатами (Афган, Чечня), брошенными защищать квазигосударственные (номенклатурные) интересы, составляют значительный слой представителей силовых структур и охранников, ведущих образ жизни, не способствующий развитию экономики или нор-

мальной социализации их детей. Другая часть сыновей ушла в «разбойники». Функции обеих частей зачастую невозможно отличить друг от друга. От этих слоев населения трудно ждать участия в экономической или политической модернизации страны.

Важно учитывать социально-психологические последствия этой системы имитации любых позитивных явлений и ценностей – как архаических, традиционных, так и современных. Апатия и пессимизм большинства населения обесмысливают любые усилия, направленные на достижение значимых социальных целей. «Все бесполезно!» – внушает нам официальный дискурс, и значительная часть населения отзывается на это, смакуя случаи коррупции и беспредела, заражая друг другом недоверием, скептицизмом и фатализмом. Это прямой результат воздействия авторитарного политического режима и официальной пропаганды, жонглирующей любыми понятиями и ценностями, результат целенаправленных манипуляций общественным мнением. Горько сознавать, что наши старшие дети (30–35 лет) принадлежат к поколению «полного ценностного безвременья» и социальной пассивности, дети 22–25 лет – «к тяжелому поколению без каких-либо социальных устремлений», а младшие (16–21 год) – к «поколению голых задниц», амбициозных и энергичных, но не способных отличить главное от второстепенного, доброе от злого [Игрицкий 2012: 131–132]. Значит, на смену поколений трудно надеяться. Однако внешнюю апатичность людей ряд исследователей оценивает как сознательный отказ российских граждан от политической активности, как признак невозможности реализовать свои чаяния в нынешних условиях. Это «отложенное политическое поведение». Отчуждение от политики здесь «выражает накопление неудовлетворенности и негативной политической энергии, взрывоопасной и разрушительной» [Конфликты... 1999: 168].

При каких условиях и в какой момент народ захочет или вынужден будет непосредственно участвовать в политике? Возникают опасения: не будет ли это «русским бунтом» в качестве ответа на кризис? Среди исследователей нет согласия в оценке уровня социальной и политической напряженности в настоящее время. Многие пишут о нежелательности социальной революции, о том, что время революций прошло. Однако в общественном сознании распространены тревожные ожидания социальных последствий экономического кризиса, усиления протестных настроений и действий. Взгляд на меры профилактики революции со стороны власти показывает: серьезные политические и социальные реформы, способные решить острые проблемы общества, власть проводить не собирается, наоборот, в ответ на протест власть предпринимает неадекватные действия – вместо мер по смягчению последствий экономического кризиса власть ор-

ганизовывает репрессии в отношении гражданских лидеров и социальные провокации, ограничивает возможности для социальной и политической самоорганизации, включает имитационные и манипуляционные технологии и механизмы, усиливая риски, вероятность эскалации конфликтов на национальной и религиозной почве, социальную напряженность. Народ так и остается с нерешенными социальными и политическими проблемами, остроту которых манипуляциями можно заглушить лишь на короткое время. Значит ли это, что революция или социальная катастрофа неизбежны? Противостояние власти и оппозиции устойчиво. В этих условиях все более важным становится вопрос о том, чью сторону примет колеблющаяся часть населения? Власть или оппозиция смогут мобилизовать и активизировать эту часть общества? Власть, вероятно, легче иметь дело с «Иваном-дураком – глупцом», оппозиции ближе тип «мудрого» Ивана-дурака. Как поведет себя народ в ситуации, когда власть рассматривает лидеров и активистов оппозиции в качестве экстремистов и не допускает возможности переговоров и компромиссов? Это проблема психологии массового политического участия. В ней есть архетипическое, бессознательное, – наш Иван-дурак, но есть и современные смыслы. Внесистемная оппозиция взывает к потенциально активной части общества в целях изменения нынешнего политического порядка, предлагает новые методы и технологии политического участия, часть молодежи подхватывает и развивает их. Но степень сочетания архетипического и современного в возможном политическом участии населения вычислить сложно, как и степень изменений и наслоений в архетипическом. За влияние на разные части колеблющегося большинства и идет политическая борьба. От того, на чью сторону склонится значимая часть большинства населения, зависит вектор развития политической ситуации в сегодняшней России.

Доминирующим субъектом в данной политической ситуации является правящая группировка. Однако эффективность государственного управления большинство экспертов оценивает как весьма низкую. В политологии давно известен парадокс: рано или поздно наступает момент, когда средства манипуляции перестают действовать и в дело вступают массы. Поведение масс зависит от очень многих факторов, один из важнейших – зрелость оппозиции. Сказка и тут дает кое-какой ответ: Ивану-дураку нужен «помощник» (советчик), которому бы он поверил и пошел за ним. «Помощник» (один или команда) в категориях сказки – это «чудесные силы» и/или «мудрая жена». Оппозиция может попытаться изобрести способы легально обыграть власть по типу способа Ивана-дурака. Реальный «помощник» должен обладать сильной мотивацией к решению острых социальных проблем и прочным нравственным авторитетом, по-

ниманием средств решения проблем, энергетическим потенциалом, профессионализмом, способностью показать Ивану путь, лежащий не через бунт или революцию, а через легальные процедуры, партии и выборы. Это ставит перед оппозицией и населением ряд серьезных требований. Часть большинства населения, способная примкнуть к конструктивной оппозиции, – сам «Иван-дурак», должна расстаться со многими «сказочными» качествами. Это означает, что Иван-дурак как социальный тип уйдет с большой сцены – политической сферы общества, и останется лишь на очень малой. Выбор за Иваном-дураком: если он хочет позитивных изменений, он должен измениться сам, перестать лежать на печи и мечтать о добром царе.

В силу традиционной ментальности, усиленной воздействием официальной пропаганды, ориентирующей на сохранение нынешнего политического режима и нынешней власти, средний россиянин пребывает в унынии по поводу будущего. Он не доверяет официальным институтам власти, после парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг. его вера в первое лицо государства то взмывает вверх под воздействием прямой пропаганды, то снижается при столкновении с последствиями внешней и внутренней политики этого лица. Он скептически относится к оппозиции – и системной, и внесистемной, и находится в состоянии апатии и нежелания ни в чем участвовать. Удар по чувству собственного достоинства, нанесенный циничной рокировкой «тандема», задел часть «среднего класса» Москвы и крупных городов, развернулись митинги и демонстрации.

Завершается этот цикл противостояния власти и оппозиции: распространение протестного движения – подавление его лидеров и активистов. Впереди другие циклы обострения и спада экономических и политических кризисов. В условиях очередного кризиса важным станет настроение и политическое поведение не «среднего» класса, а верхней и средней части «нижнего» класса. Именно этой части соответствует тип Ивана-дурака, или «совка», в ней он сохраняется как культурный образец, как набор стереотипов восприятия и поведения. Численности «среднего» класса может не хватить для успешного для населения разрешения политического кризиса и реальной модернизации политической системы. Нужна поддержка со стороны средних низов. «Иван-дурак» в замешательстве, его настроение неустойчиво и может резко и внезапно изменяться от наивности и доверчивости к цинизму, апатии или агрессии. Вызов со стороны внешнего врага – угроза жизни семьи-рода-населения страны – до недавнего времени отсутствовал. Однако, зная «Ивана-дурака», «старшие братья» способны создать иллюзию внешней угрозы. Возможно, политика группы, правящей от имени российского государства, в период 2014–2016 гг. – Крым,

Сирия, антисанкции, информационные войны со всем миром, помимо стремления к возврату имперских границ, экспансии, увеличения территорий и собственности, служила и этой цели.

Полного понимания внутреннего источника угрозы для нормальной жизни Ивану-дураку не хватает, но он должен выявить обман и имитацию. Население почти не проявляет себя в публичном пространстве, поэтому, несмотря на социологические исследования, не вполне ясно, понимает ли он, в чем причины общественных проблем, кто его «антагонист» и «похититель» его «невесты», с кем ему надо бороться и как? Это действительно сложно, поскольку, в отличие от сказки, в реальности сам «отец» (и властвующие группы, стоящие за ним), посылает Ивана-дурака спасать «невесту» – Россию, будучи ее «похитителем» (приватизитором)! Вот и становится актуальным мотив оборотней и подмен. В роли современного «Отца» (Государства) может оказаться Кощей, подменяющий «свое» – для населения – царство на «свое» – для корпорации силовиков и чиновников.

Мотив «трудной задачи» тоже роднит сказку и реальную политическую ситуацию. Ликвидация беды в современной политике – это удовлетворение потребности в нормальном развитии общества посредством установления эффективного политического режима. В ходе решения «трудной задачи» находится истинный герой. По способу преодоления беды существует два типа сказок – развивающиеся через мотив боя и посредством решения «трудной задачи» [Пропп 2008: 211]. Оба способа могут совмещаться в одном тексте, тогда сказка образует два хода: первый через бой, второй – через трудную задачу. Бой героя с антагонистом (Змеем, Кошеем) вызывает ассоциации непосредственного силового столкновения, бунта, революции. Современному «Ивану-дураку» придется сделать выбор между пассивностью и борьбой и между разными ее формами и способами, определить, надо ли держать «бой» с «отцом-оборотнем» или стоит разрешить «трудную задачу» с помощью хитрости (ума). «Убив» царя и разрушив «ненавистный режим», можно столкнуться с невинными жертвами и другими непредсказуемыми последствиями. Третья опасность – доверие к «ложному герою»: в современной политике такой широкий арсенал политических технологий, что Ивану трудно разобраться в том, кто здесь настоящий, а кто ложный герой, где истинный, а где ложный путь.

Суть «трудной задачи» – как создать условия для мирного разрешения кризиса и конструктивного политического развития, учитывая, что власть отвергает обратную связь с обществом, не стремится знать суть общественных проблем, не идет на компромиссы и уступки? Для Ивана-дурака разрешить «трудную задачу» – значит выдержать испытания, для

современных россиян это задача добыть «общественное благо», установив справедливый политический, правовой и социальный порядок. В какой политический процесс выльется наша политическая ситуация – одноходовый или двухходовый? Что выберет Иван-дурак – силу или хитрость? Если он расстанется со своим инфантилизмом и изобретет нечто среднее – «умную силу», тогда все произойдет, как в сказке – разоблачение и наказание ложного героя и «брак на царевне и воцарение» настоящего героя. Лишь бы не сбежал, не ускользнул он от решения «трудной задачи».

Наша нестрогая культурологическая фантазия как метод вживания в данную ситуацию приводит нас к выводам о том, что среди установок большинства населения много таких, которые вычитываются из образа Ивана-дурака в русской сказке. Это следующие черты и представления: поиск иного царства как желание перейти из бедности в богатство, подъем в неизведанное (стремление уйти из реальности разными способами, от интернета до любви к фантастике, социальный утопизм, стремление к справедливости и равенству, пассивность и вера во вмешательство сверхъестественных сил (ослабленная негативная вера), зависимость от чудесного (общества или сакрализованного государства) и собственное бессилие.

Исход сегодняшней политической ситуации серьезно зависит от поведения неактивного большинства населения, от его политической культуры, мотивов и установок. Но последнее, в свою очередь, может зависеть от некоего слабого влияния со стороны какого-либо общественного лидера, который сможет переломить массовую апатию и фатализм и вдохновить хотя бы часть населения на преодоление политического кризиса. Как говорил И. Валлерстайн, «в периоды всеобщего беспорядка значимым может оказаться даже самый слабый толчок» [Валлерстайн 2004: VII].

Литература

Бартошек М. (1992). Римское право. Понятия, термины, определения. М.

Бердяев Н.А. (1991). Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М.

Брокгауз–Эфрон (1898). Энциклопедический словарь. Т. 9. СПб. : Издат. дело, Брокгауз–Ефронъ.

Булгаков С.Н. (2001). Православие. Очерки учения православной церкви. М.

Валлерстайн И. (2004). Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.

- Вебер М. (1990). Избранные произведения. М.
Власть, бизнес и гражданское общество (2003) : Материалы дискуссий. М.
- Галюкова М.И. (2007). Профессиональные преступления медицинских работников: современное состояние проблемы // Криминолог. журн. № 3-4.
- Гачев Г.Л. (2008). Ментальности народов мира. М.
- Гудков Л.Д. (2016). Парадоксы социальной структуры в России // Вестн. обществ. мнения. № 1-2 (122).
- Гудков Л.Д., Дубин В. (2005). Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. Т. 9, № 2 (29).
- Гудков Л.Д. (2011). Абортивная модернизация. М.
- Гуревич А.Я. (1989). Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М.
- Даль В.И. (1998). Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.
- Закатнова А. (2007). Курс начинающего либерала // Рос. газ. 15 марта.
- Зверева Г. (2005). Националистический дискурс и сетевая культура // Pro et Contra. Т. 9, № 2 (29).
- Игрицкий Ю.И. (2012). Повседневная Россия // Полит. наука. № 1.
- Карсавин Л.П. (1994). Путь православия // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб.
- Карташев А.В. (1991). Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 1. М.
- Качкаева А. (2016). «Национальное достояние» «нации телезрителей»: трансформация российского телевидения (2014-2016 гг.) // Вестн. обществ. мнения. № 1-2 (122).
- Ким Е.П., Михайличенко А.А. (2007). Состояние и структура криминальной смертности в России и некоторые проблемы ее предупреждения // Криминолог. журн. № 3-4.
- Киреевский И.В. (1852). О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Моск. сборник. М. Т. 1.
- Киреевский И.В. (1861). Полное собрание сочинений. Т. 1. М.
- Конфликты в современной России (1999) : (проблемы анализа и регулирования). М.
- Левада Ю. (2006). Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестн. обществ. мнения. № 2 (82).
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. (1977). Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопр. лит. № 3.

- Мелетинский Е.М. (2005). Герой волшебной сказки. М. : СПб.
- Мифологизация комплексов национальной неполноценности (2008)
// Вестн. обществ. мнения. № 6.
- Михайловский Н.К. (1897). Письма о правде и неправде // Михайловский Н.К. Сочинения. СПб. Т. 4.
- Общественное мнение-2015 (2016). М.
- Паин Э. (2016). Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания // Вестн. обществ. мнения. № 1-2 (122).
- Президентские выборы в России 2012 (2012) : постэлекторальный анализ [Электронный ресурс].
- Пропп В.Я. (2008). Русская сказка. М.
- Пропп В.Я. (2009). Морфология волшебной сказки. М.
- Россияне о прошедших выборах и перспективах протестного движения (2012) [Электронный ресурс].
- Словарь русского языка (1981). В 4 т. Т. 1. М.
- Советский энциклопедический словарь (1989). М.
- Соловьев Э.Ю. (1991). Прошлое толкует нас. М.
- Степанов Ю. (2001). Константы: Словарь русской культуры. М.
- Страхование жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним [Электронный ресурс].
- Трубецкой Е.Н. (1990). «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Лит. учеба. № 2.
- Успенский Б.А. (1979). Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря Афанасия Никитина») // Вторичные моделирующие системы. Тарту.
- Федотов Г.П. (1991). Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 1. СПб.
- Флоровский Г. (1991). Пути русского богословия. Вильнюс.
- Халем Ф. фон. (2002). Историко-правовые аспекты проблемы Восток-Запад // Вопр. философии. № 7.
- Хантингтон С. (2004). Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.
- Хованская А.В. (2001). Достоинство человека: к либеральной стратегии права для России // ПОЛИС. № 4.